

ЗМЕЕГОЛОВ

— ...Идешь на работу, как на передовую, в бой, в окопы. И каждый день будто в атаку поднимаешься, не ведая — сдюжишь, нет ли в этот раз, не зашибут ли? — привычно жалуется сельский доктор супруге за завтраком. — То ли дело, как описал Михал Афанасьич, в земской больнице был порядок. На зависть нам: медикаменты лучшие, отношение мирян к врачу почтительное, да и власть берегла, лелеяла и холила эскулапа. Ну и он в ответ опять же... и то, и это, и всего помногу... Мотивация, матушка, знаешь ли, мотивация... — трясет реденькой бородкой муж над тарелкой супа, в котором меж хвоинок укропа плавает крохотный кусочек куриного мяса, картофеля и вызывающе оранжевого цвета кружок моркови. Впрочем, жене про мотивацию рассказывать нет смысла. Не по адресу. Ей самой собирать проверенные за полночь, к весне вдрызг измусоленные школярами тетради в пакет и идти на свою передовую. И тоже архискромное убранство кабинетов, и тоже отношение к учителю. Если б ни вожделенные и спасительные весенние, а затем и летние каникулы, волчий вой, вопли и ор стояли бы в учительской уже сейчас, в конце зимы. А ведь у доктора нет летних каникул, да и ночью, почитай, через день кто-нибудь да выдернет на срочный вызов к больному. Иногда и не к болезному вовсе, а, если по совести, элементарно к придурошному пьяному колхознику, который еще и барагозит и лезет драться: чего, мол, доктрила, за полночь пришкандыбал, небось, к жене моей завернул, надеясь, что мужика в хате нету. А я тут! Вот он я! И кулачиной тычет в физиономию. Истинно как на передовой, и враги по ту сторону фронта, кажется, лютее извечных державных врагов.

— ...Здра-а-авствуйте — подвиньтесь! Так чо, доктор, выходит, вашими молитвами я опять беременная?! Какие-то подкидные пилюли вы мне приписали. Просроченная ваша гуманитарная помощь! — вскинулись к потолку смешно выщипанные брови передовой доярочки. — Так и знайте, чо председателю на вас нажалуюсь, и тада ни сена дарового не получите, ни зерна, и из премии

годовой вас правление исключит. На кого прикажете теперь группу оставить? Сколь силов на раздое положила! ...А, можа, доктор, это она родимая... как ее... эрозия? — поумерив пыл, все еще рассчитывая на чудо, вдруг де чертова ситуёвина сама собой рассосется, высказала женщина злобное, однако же и не депрессивное отношение к жизни.

— Послушай, Дарья, какая там к лешему эрозия, когда уже двенадцать недель, и вскоре пузо на лоб полезет... — привычно удерживает себя от эмоционального всхлипа участковый врач. Паниковать и взбрыкивать эскулапу в нынешних условиях не положено, чай передовая, а он вроде ротного... отец и заступник.

— Мать честная! — в свою очередь в сердцах всхлипнула, слезая с кресла, растрепанная селянка. В ту минуту, казалось, окажись у нее в руках березовое полено, она запросто отходила бы им терапевта-гинеколога-проктолога-травматолога-педиатра и прочая, прочая... Новопетровской «земской больницы». Или этими вот резиновыми перчатками по противной козлячей морде его...

— Так не принимала, наверно, контрацепцию, а, Дарья? — докторовы точные границы претензий к жизни совсем рядом. Ему и надо-то только чтоб скорее свалила эта попахивающая илом женщина. Там за дверью еще вон сколь их исходящих злобой.

— Ничего не просроченная. Нормальная. Организм твой, видно, в раздрай пошел: самогоночки много изволишь откушивать, вот он и несогласный, вот и не принимает пилюли.

— Который там раздрай! Больно ты, каин, успел рассмотреть весь мой организм, глядя черт те куда. Наговорите тут, аж подойник из рук валится. Если их у меня не десять, так только потому, что с мужем самогоночкой глушим. Вы, доктор, тоже, выходит, повалить дурака не дурак... Ладно уж, — пошла на мировую Дарья, — продам телку и съезжу в город на аборт, — кряхтя и постанывая, пациентка принялась сползать со стократ проклятого селянками кресла, настолько проклятого, что белила на подколенниках не держатся.

...День выдался обычным, тяжелым и нынче доктору не осталось времени подумать, как там подо льдом ставные сети на протоке — не примерзли ли ко льду? Известно: лед вниз растет. А при нынешних

мартовских заморозках, чего доброго и прихватило. Однако весна, черт возьми! — доктор выбросил в стороны руки и с чувством потянулся, аж в груди хрустнуло и зануло в позвоночнике в районе первого поясничного.

Только вот больные сегодня идут на прием один чуднее другого. Будто в их головах дополнительное весеннее кружение, да к тому же извилины морозцем прихватило. И нет вдохновения, мать иху. Нету! Поработай тут аки вол, когда на первое вечно беременная баба, на второе алкаш с разбитой мордой, а на десерт... Ну вот и десерт.

В амбулаторию ввалился подросток и возопил после ноты «мля»:

— Доктор, мамка сказала, чобы пилюли от кашля дал!

— А деньги есть?

— Нету, — шмыгнул носом вошедший.

— Тогда роспись свою в книге оставь.

— Это на кой хрен мля роспись? — «филипок» слегка ударил на последнем слоге.

— А затем, что когда мамка твоя детские получит, чтоб в аптеке рассчиталась.

— Дык я и расписываться не умею, да и нету у меня росписи, — хлопчик заметно разволновался, поскольку вернулся без пилюль, мамка запросто отходит ремнем. Злая она сегодня.

— И куда ты ее дел? — стремится обуздать нервы док, но выходит у него не очень. — Как это, Гошка, нету? Совсем? Тогда напиши, что вчера на клубе нацарапал. Я видел. Мимо шел с вызова.

— Ну, ты, доктор, даешь...

Доктор уже закрывал входную дверь амбулатории ключом, когда напротив на дороге остановилась пара — отец и сын, переселенцы из Средней Азии. Нищие, как церковные мыши, доктору отчего-то все время их остро жаль. Он и узел с вещами вместе с женой им собрал и отнес по пути, и жену мобилизовал, чтобы в школе подсуетились и помогли. Народ этот, в принципе, благодарный, хороший народ. Хотя и не то чтобы шибко нужна доктору их благодарность — куда ее приладить?

— Иди к этот дядка, папараси маз от мелки букашка в волос. Мамка нада, тибе нада, Зарифа нада, мене нада. Дуст називаеца, —

негромко внушает старший малому, подталкивая его к амбулатории. Пришлось по новой отворять дверь.

За дневными заботами да обслуживанием на дому по вызовам доктор и не заметил, как пришел вечер. Единственно, что для себя хорошего сделал, — в обед пару тарелок хорошо взопревшего борщичка со сметанкой убрал. И сметанка была самая, что ни есть, деревенская, ложку в банке одной рукой не повалить. Остальное всё, хоть и не в скорбном, но все же пассиве.

И вот, когда полная все еще ранняя луна взобралась на самую высокую сопку и покатила по небу, доктор взял из чуланчика острогу, направил подпилком зубья и, бросив в рюкзак термос с чаем, шмат сала да краюху хлеба, отправился на рыбалку.

Выйдя к озеру, направил стопы по накатанному машинами и изрядно изъеденному еще стылым и несмелым весенним солнцем снегу. Заметив впереди ходока, прибавил. Только поравнявшись, увидел — Гошка. Немудрено, что со спины не узнал: Гошка в батином ватнике и драном тулупчике похож на пингвина.

Пингвин ревниво осмотрел догнавшего его человека (конкурента), ловко поймав черенок остроги доктора, деловито осмотрел, как подготовлено орудие лова, по-взрослому чуть покачал головой, отпустил черенок и заметно успокоился.

— Ну, что Гошка, порыбалим... — заговорщически, оглядываясь, проговорил доктор.

— Ты, доктрила, мне не конкурент, — отшил заговорщика Гошка. — А за пилюли спасибо. А то бы мамка на рыбалку не отпустила, — счел нужным добавить «филипок», лишь на секунду снизойдя до уровня оппонента на предстоящей рыбалке.

Пришли к родникам. Их, вскрытых местными, вдоль берегов протоки около полутора десятков. Меж ними неспешно вышагивают вроде Гошки, без претензии одетые простые сельские браконьеры.

Гошка с позиции опыта и прожитых лет предложил:

— Давай, доктор сначала вместе почистим ото льда штук шесть-семь родников, «забьем», чтобы «отшить» пришедших позже. И тогда станем по очереди, как компаньоны, подходить к лункам. А там уж кому как повезет.

Почистили. Доктор от активной работы пешней взопрел так, что падают капли с носа и бровей. Стал вспоминать о борще, засосало под ложечкой. Достал кусок сала. Жадно откусив, в досыл куснул краюху хлеба. Энергично задвигал челюстями. Между тем Гошка и не думал блюсти уговор. Беспреданно шныряя от лунки к лунке, он будто стремится перебить подход напарнику. Тот, почувствовав измену, занервничал. Гошка своей «вилкой», больше напоминающей вилы, удачно наколот три примерно килограммовых щуки, тогда как взопревший при рубке льда пешней компаньон еще и не видел пятнистого рыбьего бока, только мелочь — гольяны да чебаки. Хотя фонарь у него куда мощнее Гошкиного, и упустить удачу себе не позволил бы, поскольку опыт так же имеется нешуточный.

И вот удача! Доктору показалось, будто под бортом лунки мелькнула серо-зеленая морда щуки, отдаленно напоминающая клюв утки. Даже если и не привиделось, щука в этом месте выходить не стала. Пока. Но кровь уже прилила к голове, доктора чуть качнуло от нарастающего давления, адреналин вскипел, руки в перчатках увлажнились. И док решил: здесь у лунки под карагачем свою позицию он Гошке не сдаст ни за что. Хотя, понятно, напрочь утративший докторово расположение компаньон, беспреданно сновал около и всё пытался заглянуть в лунку мимо доктора, всякий раз утыкаясь в подставленную спину: «Чего это там коновал удумал?».

Минут десять, может, двадцать, доктор оборонял занятый рубеж, всякий раз успешно оттирая конкурента от лунки. И дождался-таки. Щука, на первый взгляд килограмма на три, поднявшись из глубины, будто цепляя боком срубленные и сколотые края полыньи, медленно посунулась вдоль борта. Измаявшемуся в ожидании доктору, у которого от предвкушения успеха взмокла спина и покатила по спине струйка, достало терпения и воли не ударить раньше времени. Пока она скользит вдоль борта, в состязании с проворной щукой было бы пятьдесят на пятьдесят. А этого мало. Тогда как доктору остро необходима сатисфакция в эмоциональном споре с компаньоном-конкурентом. Док выждал, когда рыбина вышла на чистое, в зоне атаки оказалась ее передняя треть, и коротким резким выверенным движением ударил. Агонизирующая рыба пару минут, взмучивая

воду, билась на остроге, на треть вошедшей в песок дна. В результате жесткой схватки еще долго под свет фонаря не явится крупная рыба, только бестолковая мелочь. Док уже на коленях, он опустил свободную руку в воду, плотно, сколь возможно глубоко, запустил пальцы добыче под жабры и вместе с острогой проворно выбросил первую свою удачу на лед. Уф-ф-ф! — с шумом выпустил из себя воздух рыбак, нащупал сосульку на кончике уса и обломил ее.

— Ого, килограммов на пять будет!

— Пожалуй, поменее, — великодушно поспешил успокоить оппонента доктор.

— Да где же поменьше, когда все пять! — всхлипнув, отчего-то рассердился на дока Гошка. Он еще сколько-то покрутился возле лунки-удачницы, однако, сообразив, что в мутной воде сразу после успешной атаки едва ли чего путного дождешься, помалу удалился, оглядываясь и сплевывая. И теперь принялся наверстывать на «своих» лунках, заявив из темноты, едва подернутой светом тощей астеничной луны: «Ну, всё, коновал, к моим лункам не подходи. Тебе хватит. И так не по заслугам огреб. Тебе вон и зарплату какую платют. А за чо?..» — должно, где-то глубоко внутри нагорело. Что накопилось в голове, о том язык и хлябнул. И Гошка в отчаянье принялся зло мочить всю появляющуюся в свете фонаря живность: мелких карасиков и сазанчиков, щучек с карандашик величиной, чебачков и пескарей.

— Ну, чо, док, доволен?! — искрит у берега конкурент, и горячие брызги из глаз осыпаются в зеленую воду. — Небось, еще хошь на дурнячка!

— А зачем? Мне хватит, — нарочито кротко отвечает док. — Надо, Гофан, что-то оставить и на лето.

— Ну-ну базарь, док, базарь, — не верит в искренность взрослого «филипок».

Оппоненты, главным образом подающий большие рыбацкие надежды подросток, избрызгали адреналином лед, и крупная рыба перестала выходить на свет фонаря. Поэтому доктор решил выбрать ставную сеть, которую меняет раз в десять дней. Заведенная шнуром под лед, сеть устала томиться в купели. Некоторые рыбы

так и не дождалось прихода человека. Вскрыв лунку, длинным стальным крючком док нашел шнур у дна, поднял его, полоснул по нему ножом, освободив от груза.

— Зачем, док, снимаешь снасть, разве больше не будешь рыбачить? — в волнении спросил Гоша, догрызая ноготь на большом пальце. Сейчас он сделал для себя открытие, и чуть размечтался, строя экспресс-план.

— Я бы запустил сеть на смену этой, и рыбалил бы далее, да ты ее умыкнешь, пока я буду односельчанам зубы вынимать, и порошки отписывать. Сопрешь ведь?

— А и сопру, — простосердечно согласился Гошка. Доктор оставил шнур и перешел к другой лунке, отстоящей от первой метров на сорок. Вскрыв ее, привычно нашел шнур, вынул нож, обрезал фал, потянул сеть, укладывая ее на расстеленный мешок. На первых метрах завидный трофей: огромная снулая щука, видно попавшая в первые дни и теперь оплывшая зеленовато-бурой слизью. Док выдрал ее из дели, оставив большую дыру. На лице Гофана скоротечная экзекуция над сетью отразилась, будто в зеркале, его скосоротило: «Такая классная сеть была, такая сеть! Эх, доктрила ты, чертов доктрила, нету у тебя понятию как снасть берехти... А сколь напластал гад...» Рыбы в сети, действительно, много. Гофан окончательно угас, это стало его Ватерлоо. Подросток схватил снулую щуку и тотчас спрятал в свой мешок: «Свиньям порубаю».

Разошлись по «своим» лункам. Доктор остановился у лунки-удачницы и стал раздумывать: может, хватит на сегодня, как бы Гофана удар не хватил. Привычно изготовившись — «в последний раз» — док включил фонарь и обомлел: ровно на месте, где он час назад взял крупную щуку, стоял и пускал редкие пузыри огромный змееголов. «Как ты смог протиснуться на чистую воду, такой великан?! Подышать вышел?» — не как потенциальную добычу, скорее, как равного на лестнице развития живого на планете, спросил док рыбину. Показалось, «змей» прислушался, но глаза его, вращаясь, ничего не выражают. Док замер, желая побольше насладиться увиденным и больше запомнить, затем стал переминаясь с ноги на ногу, рядом сухо, звучно треснул лед, над которым даже в марте

продолжает творить его величество сибирский мороз, змееголов стал медленно задвигаться под борт. Док опустил, минуту назад занесенную над лункой, перед включением фонаря, острогу.

— Ну чо, доктрила, валим отцэдова! — воскликнул неподалеку конкурент.

— Валим, Гофан, — не сразу сообразив, будто очнувшись, ответил док, провожая взглядом задвигающегося под борт, словно включив заднюю, змееголова.

Вышли на дорогу. Будто пересчитывая звезды, док счастливо крутит головой, идя вслед за подростком. За плечом у него увесистый мешок, а путь не близкий, и доктору хочется распределить силы таким образом, чтобы не взмокнуть на этом пути раньше времени.

— Ну и балда сегодня!

— Чего?

— Чего-чего!.. — недовольно обернулся подросток. — Луна, говорю, нынче полная, оттого и рыба шла плоховисто, — объяснил обстановку Гошка.

— Да, Гофан, луна сегодня какая-то неправильная...